

Михаил ОБУХОВСКИЙ БОЖОЛЕ

1. "Божоле Нуво" прибыло!

...Никто из старожилов не помнит такого щедрого на солнце августа.

Пылаю багровое золото необычайно живописной осени. В Божоле сбор винограда (*vendange*) был разрешен по хронометру, 1-го сентября. Со всей Европы на короткое время *vendange* съехались сезонные сборщики. Запестрели между рядами виноградников группы, сносящие в заплетных корзинах срезанные кисти "гамэ" к миниатюрным тракторам...

Красное (листья) с желтым (солнце и камень) создавало сказочное, червонное золото пылающих на склонах виноградников. Собираясь осенью на прогулку в Божоле, мы говорим: "Поехали к Ван-Тогу", — вспоминая картину Пущинского музея. Вспыхивает старинное золото башен и узорчатых стен *Chateaux*, выложенных золотистым камнем из карьера Божоле-Лафарг (цвет свежего излома одесского "ракушняка"). Отсюда и название "*Pays des pierres dorées*: Страна позолоченных камней"...

Будто вычерченные по линейке, бордовые ряды виноградных лоз покрывают большую часть Божоле... А вот и колдовство гениальных строк: "в багрец и золото одетые леса".

Урожай винограда, настоящая удача года, с лихвой превысил квоту Европейского Союза.

Неубранные сизые грозди остались на низких кустах гамэ. Можно пройтись по рядам взбегаящих по склонам виноградников, лениво нагибаясь, чтобы сорвать понравившуюся кисть. Сладкий густой багровый сок, который скоро даст первое разрешенное к продаже молодое вино: Божоле Нуво, Новое Божоле.

Еще в начале ноября для праздника, который завоевал полмира, тысячи тонн бутылок с Божоле Нуво были загружены в зафрактованные самолеты и отправлены из лионского аэропорта Сент-Экзюпери. И все это для того, чтобы, следуя обычаю, любители молодого французского вина во всем мире (в этом году в 120 странах) ровно в полночь третьего четверга ноября смогли бы первым глотком начать традиционный праздник Божоле Нуво.

В окружении тысяч любителей молодого вина будут одновременно выбиты затычки из украшенных красными листьями и зажженными лозами тяжелых бочек и будет под-

нят первый бокал из струи вырвавшегося вина. Под крики "*Le Beaujolais Nouveau est arrive!*" — "Новое Божоле прибыло!" начнется Праздник, главный девиз которого — "Не бери в голову и веселись!". Люди поют, танцуют, виноградары демонстрируют свое мастерство.

Не знаю, прибыло ли в этом году в Одессу Божоле Нуво, — в прошлом году было продано 16 млн. бутылок Нового Божоле. И для Одессы хватило бы, а уж умения и любви праздновать веселье застолья Одессе не занимать. А может быть, самой Одессе устроить свой Праздник Молодого Шабо (ну конечно, "Всемирный")? И, скажем, в последнюю пятницу ноября праздновать "Шабо Нуво появилось".

А в полночь с боем курантов выкатить на Думскую площадь бочки розового Шабо от Кристофа Лакарена (*Christophe Lakarin* — французско-одесский винодел и парфюмер, владелец прекрасных виноградников в Шабо)... Думаю, что Одессе этот праздник пришелся бы по вкусу. И не такие праздники украшали мой Город...

В нынешнем формате феномен "Божоле Нуво" существует с начала 50-х годов. Этот праздник — одна из лучших операций французского маркетинга в ушедшем веке. По просьбе виноделов Божоле в 1951 году правительство разрешило винифицировать и продавать молодое вино раньше других винодельческих районов Франции. И с тех пор в третий четверг ноября во всех городках и деревушках Божоле начинаются шествия с зажженными виноградными лозами, чтобы ровно в полночь начать дегаустацию.

С конца 60-х этот фестиваль молодого (нового) Божоле перешагнул границу Франции.

В соответствии с часовым поясом, первыми откупорили бутылки в ночь с 19-го на 20-е ноября в Японии. За границу Новое Божоле отправляют заранее, чтобы быть готовыми по знаку специального инспектора Ассоциации французских виноделов *deboucher* бутылки Божоле Нуво. Во Франции в праздничную ночь на разукрашенных, как в фестивале, площадях для дегаустации молодого Божоле выкатывают тяжелые винные бочки. Конечно, назавтра везде вы найдете и бутылки с красочными, часто фривольного содержания, этикетками. Не будет ни одного дружеского застолья, где бы не царствовало только что прибывшее Божоле.

Но вот уже бьют часы... Одиннадцать... Двенадцать!

Ур-ра! Новое Божоле прибыло, господа!

За Город, такой же золотой, как Божоле, за Одессу!

2. Клошмерль

Но Божоле — это не только вино для дружеского застолья. Для нас это еще и окруженная виноградниками деревенька, известная во всем мире под именем Клошмерль! Да! Да! Тот самый!

В 1934 году появился и был моментально раскуплен роман "*Clauchemerle*" Габриеля Шевалье. Этому выдуманному Клошмерлю автор придал черты живописной деревушки Во-ан-Божоле, где он проводил свой отпуск. Персонажи были не выдуманы, а списаны с натуры. На страницах романа поселились знакомые виноделы, юре местной церкви, истинные и лицемерные защитники церковных канонов.

Шевалье очень точно вылепил не только колоритных жителей своей деревушки, но и обобщенные образы, в которых себя узнавала вся страна. Крестьянской Франция стала после великой Французской революции, после гильотины и бегства аристократии в Англию (тут мы были хорошими учениками робеспьеров). И сейчас практически любой француз имеет свои корни в деревне и гордится этим.

Французский читатель давно уже так не хохотал от души, узнавая своего соседа, но, как оказалось, еще и себя... Для большинства читателей роман был зеркалом, в котором отражались события в его деревеньке, описанные сочным, смачным, сейчас уже начавшим исчезать языком. "Клошмерль" разбудил в душе французов раблезианские выражения их предков, поднял на самую верхнюю ноту звучание языка простолудина.

В 1948 году по роману "Клошмерль" был снят Пьером Шералем одноименный фильм, выпущенный у нас в прокат под названием "Скандал в Клошмерле".

Название "Клошмерль" нам ничего не говорило, слово же "скандал" — интриговало. Мы, мальчишки с Ремесленной и Чижикова, "канали" через забор в кинотеатр "Бомонд", — расчищенную после войны развалку. Это был летний кинотеатр, и взрывы хохота были слышны даже на Куликовом поле.

Мы смеялись над выражениями, которые потом растащили на наши знаковые фразы: "застегни штаны, а то потеряешь "эту штучку", — было навечно знакомством старой девы с "этими штучками", которых она избегала всю жизнь.

Уже здесь, во Франции, я прочел роман "Клошмерль" и смог оценить жемчужины французского юмора и разговорного языка. Современный же французский язык засорен (обогащен?) иностранными словами и выражениями и молодежным сленгом SMS-сообщений.

Когда в 2004 году я консультировал Жака Эмбера, переводившего с русского на французский роман Жаботинского "Пятеро", то удивился схожести некоторых выражений жителей Клошмерля и Молдаванки. (За работу с французскими эквивалентами одесского языка я получил в разделе "Благодарности" титул "Лионский одессит").

Но вернемся к роману.

В чем же скандал?

3. Скандал в Клошмерле

...Божоле готовится к муниципальным выборам, которые традиционно представляют живописный спектакль в каждой деревушке — уж слишком до комичного серьезно относятся здесь к предвыборным обещаниям...

Действующий мэр Клошмерля, чтобы набрать "очки" в гонке кандидатов, начинает грандиозное общественно полезное сооружение, стройку века, — писсуар, общественный мужской туалет.

Почему мужской? — да это французская традиция: всего-то перегородка (или стеночка), которая начинается с 30-40 см от пола. Дородные крестьянские ягодицы присевшей в таком туалете дамы, засветившись, стали бы предметом всеобщего веселого обсуждения. Таких писсуаров во Франции множество (однажды в Париже, в Люксембургском саду, моя спутница была вынуждена воспользоваться таким туалетом под восторженные возгласы и советы собравшихся мужчин; а что было делать?)

Стройка велась на центральной (и единственной) площади Клошмерля. На митинге по поводу официального открытия Писсуара выступил мэр с инаугурационной речью. Затем он перерезал трехцветную ленточку и первым зашел в заведение. Вся деревня могла видеть ноги моешь Пиешу и торжествующую струю, которая появилась одновременно с приподнятой мэром шляпой...

Мэр уже видел свое триумфальное переизбрание...

Но прихожане деревенской церкви, находившейся на той же площади, воздвигшей Писсуара рядом с храмом посчитали оскорблением и призвали к бойкоту заведения с последующим его закрытием.

Граждане же, ставившие облегчение малой нужды важнее облегчения грехов, бросились на защиту Писсуара. Откровенные высказывания того, что они думают, вместе с язвительными замечаниями о родственниках не могли оставить равнодушными избирателей Клошмерля, разделившихся на две непримиримых партии: сторонников и противников Писсуара.

Уринофобы, в первых рядах которых сражалась ассоциация богобоязненных женщин, объявили крестовый поход против строительства.

Уринофилы, лишенные доступа в заблокированный Писсуар, облег-

чались ночью под стенкой стоявшей рядом церкви. Вот тут-то их и поджидали главные силы антиписсуарной партии во главе с юре.

А при обнаружении справлявших малую нужду в новом сооружении на подмогу мобилизовывался церковный сторож... Ночные рейды сотрясали Клошмерль. Борьба шла в каждом доме, в каждой семье.

Отчаявшиеся мужики, лишенные своего конституционного права пользоваться общественным заведением, "экзгибционировали" прямо под окнами церковной приживалки. Вот таким образом и состоялось первое знакомство с "этими штучками" Жюстин Путэ, старой девы.

Это же надо! — всю свою жизнь Жюстин успешно избегала "этих штучек", а теперь должна была осуществлять непосредственное наблюдение за противником.

Для координации борьбы за святое дело Антиписсуарная партия, "ум, честь и совесть" Клошмерля, создала оперативный штаб во главе с баронессой де Куртебиш. Там, в усадьбе баронессы, юре тайно получал свежие разведанные о пользователях Писсуара. А затем уже во время мессы он превращал полученные слухи в слово Божие.

Борьба уринофобов с уринофилами взбудоражила все Божоле. Ближайшие деревни присылали подмогу то одной, то другой партии. Защита Уринуара стала "делом чести, доблести и героизма", тогда как противник на меньшее, чем на закрытие заведения не соглашался.

Противостояние дошло до того, что в праздник святого, покровителя деревни, в церкви произошла настоящая потасовка между двумя течениями...

Вести о "войне вокруг Писсуара" дошли до самых верхних кабинетов власти. Сам министр внутренних дел вынужден был вмешаться. В помощь местной полиции для поддержания общественного порядка он послал подкрепление из нескольких десятков (!) жандармов, что и восстановило покой в обычно тихом Клошмерле.

Мэр вернулся к своей основной специальности — виноделию, и чтобы "война вокруг Писсуара" не была напрасна, начал производить молодое вино, названное Божоле Нуво (боюсь, что эти данные получены из ненадежного источника, — в Лионе, в Музее галло-римской цивилизации экспонируются амфоры, в которых хранилось вино на вахических праздниках еще в эпоху римского владычества. — Автор), которое оказалось мочегонным. Поэтому дискуссионный клуб Божоле каждый раз открывался в непосредственной близости от предмета самого громкого скандала в истории Божоле.

И сейчас, проезжая по департаментной дороге D63, я сворачиваю по указателю *Vaux-en-Beaujolais*, чтобы отметить на центральной площади городка, который все называют Клошмерль.

Лион, Франция, декабрь 2009 г.

Галя МАРКЕЛОВА

Книга вышла в Одессе

В издательстве "Зодиак" вышла вторая книга искусствоведа Валентины Голубовской под названием "Мама купила книгу" (верстка и дизайн Анны Голубовской), презентация которой прошла во Всемирном клубе одесситов. Эта книга вышла в Одессе. Книга, которую приятно держать в руках, — все продумано, изящно, ненавязчиво. Во всяком случае, не как принято издавать сейчас: либо помпезно — "на все деньги", либо с оскорбляющей скандальностью. Оба эти подхода обусловлены двумя бытовавшими отношениями к книге. Мы все выросли из времени тотального дефицита. В одних домах выстраивались шеренги нечитанных книг в "коленкоры", престижных переплетках, где книга превращалась в "вещь", эквивалентную сноровке и достатку хозяев, либо униженно повисала на гвоздях в местах уединения с вопиющим воззванием: "Помни!". С кем только не приходилось встречаться

в этих местах! И с учебником по физике Перышкина, и с Адамом Сенкевичем, изданным в Варшаве. Спать с готической Гете от унизительной процедуры, но это для другого повествования. Однако и в этой стране были люди, чувствующие и лелеющие книгу. О них и для них написана эта небольшая, но емкая книжечка. Вкус и интеллект авторов делают свое дело и наглядно показывают, как можно создать маленький шедевр без больших денег.

"Не оттуда ли, из детства, из походов по книжным магазинам за руку с папой, не из услышанных ли в детстве разговоров о книгах Аня стала теперь заниматься со вкусом и любовью книжным дизайном?" (стр. 102). Так автор отслеживает проявление таланта собственной дочери. Валентина Голубовская (текст) и Аня Голубовская (дизайн) создали эту книжку, которую они назвали "Мама купила книгу". Она удачно акцентирована репродукцией картины

Л. Межберга "Девочка с ананасами". Теперь о главном, о тексте. По собственной детской привычке читаю все книги с конца. И вот, добравшись до главы под названием "Куда оно делось?", где автор вспоминает о фильдеперсовых и фильдекосовых чулках, в моей памяти всплывает любимое определение: "Память — это больная девушка-еврейка, убегающая ночью тайком от родителей на Никольский вокзал: не увезет ли кто?". Какова же была моя радость, когда я, добравшись до первой строки, той первой фразы, которая определяет тональность всей книги, читаю: "Только детские книги читать..." — тот же Мандельштам!

Слово "текст", якобы пришедшее к нам из англоязычной литературы и Интернета, все же мне видится мандельштамовским. Это в его, Осипа Эмилевича, прозе создается пространство творения, где единственным инструментом есть точная и честная поэтическая ассоциация,

эта тончайшая "филь", которая соединяет ранящие осколки реального мира, интеллектуальные всплески и достоверные эмоции в единый новый текст повествования — порой саркастичного, порой убивающего своей самоиронией и достоверностью, где тоскует девушка-память.

Воспоминания — трудный жанр. Со временем истлевает нить причинно-следственных связей, как нить жемчужного ожерелья из раскопок, а ты уже обладаешь знанием о том, что было дальше. Но если убить бабочку... Время проявляет свою неоднородность, распадается, рассыпается, оставляя следы — шрамы, ожоги, рябь... Умение собрать их воедино в правдивый, честный текст и есть задача автора — одесситки, замيراющей при звуке трамвая из того, прошлого века, грохочущего по Старорыбной.

Так случилось, что Одесса утратила четкие границы. Она расплывчата в пространстве и во времени. Она там и тогда, где дышал одесской пылью Александр Сергеевич. Она и там, где ее дети. Она жива в их сердцах. Помнят они, как "томительные июльские стрекозы", и в Австралии, и на Бруклине, а автор только воссоздает одесские

профили, собирая по черточке, улавливая их далекое томление, творит мир, в котором время то сквозит легким бризом Фонтанов, то поднимается бурей негодования, когда затронута честь Воинов во время Дня Победы.

"Мы любили Одессу, зная все несовершенство города, давно ставшего провинциальным, где пушкинское "Там все Европой дышит, веет" вызывало лишь ностальгические чувства по ее "золотому веку" (стр. 77). Это не пьяная кабацкая эйфория ("Ах, Одесса, жемчужина у моря"), а горькая и трезвая констатация. Тональность всей книги сконцентрирована в этой фразе. Тем и будет она интересна читателям разных уровней — просто старым одесситам, библиотефилам, искусствоведам — тем, кто честна. И о ком бы автор ни говорила, что бы ни вспоминала, а делает она это весьма доброжелательно и мягко, упрекнуть ее в зависимости или экзальтации нельзя. Свободно, мудро и тонко выстраивает она пространство своих текстов, в которых прописаны только люди и вещи, созвучные ее сердцу. Можно лишь удивляться, как у такой маленькой женщины оно такое огромное и отзывчивое.